

1989 - ab2 (N3) - 107

Юрий Карабчиевский — поэт и исследователь литературы. К сожалению, пока он более известен за границей, чем у нас в стране: в 1979 году, после участия в альманахе «Метрополь», его перестали печатать... Предлагаем вниманию читателей заключительную главу книги Ю. Карабчиевского «Воскресение Маяковского». В будущем году намечен ее выпуск в издательстве «Советский писатель».

ЭТО БЫЛ человек, смертельно страшившийся смерти и всего, что может ее приблизить; громогласно провозгласивший своей религией — продление и возобновление жизни. И вот он пишет за два дня прощальную записку и стреляет себе в сердце. И его нет...

Самоубийство Маяковского всех застало врасплох, в том смысле, что никто не мог назвать ни одной причины, и поэтому каждый называл несколько, объединяя вместе все неприятности, какие только приходили в голову. Но и вместе они не становились причиной.

Неуспех выставки, отсутствие Брик, замужество Яковлевой, разрыв с «Рефом», провал «Бани» и даже — грипп... В конце концов, большинством голосов была принята романтическая, покаянная версия. Это выглядело примерно следующим образом.

Великий поэт, целиком и навек отдавшийся власти, всегда ощущавший полное с ней совпадение — в стиле речи и стиле жизни, в дальней цели и сегодняшней пользе, в подходе к событиям и методе действий (вариант: никогда не согласный полностью, всегда метавшийся между искренней лирикой и вынужденной службой текущей политике), — этот человек друг видит, что все не то. Что не то? А все. Ну, к примеру, нет свободы печати и слова, и вообще не соблюдаются права человека. И выходит, что он жестоко ошибся, что вся его жизнь и вся работа — насмарку, и более того, он причастен и, значит, повинен. И ему просто ничего не остается, как, раскаявшись, произнести себе приговор...

Заявим сразу: в данном пункте мы должны решительно отмежеваться от всей либеральной интеллигенции и присоединить свой одинокий голос к голосу государственной критики

Он не мог разочароваться в окружающей жизни, потому что не знал никакой другой. Он был плотью от плоти этой реальности, ее отношений, ее языка, круга ее интересов. Ее правда была его единственной истиной, и как бы он мог ее избличить, никогда не выходя за ее пределы?

Нет, нигде, ни в стихах последних лет, ни в статьях, ни в выступлениях, ни в частных письмах нет ни намека на разочарование, а тем более какое-то чувство вины.

«Не тешился, товарищ, мирными днями, сдавай добродушие в брак. Товарищ, помни: между нами орудует классовый враг».

Такие призывы с подробными инструкциями, как распознать кулака и вредителя под личиной благонамеренного гражданина, писались им не в 18-м году, а в зрелом и близком 28-м.

А еще ближе, в 29-м, — «По длинному фронту купс и кают» — умиленный гимн свободно путешествующего, обращенный ко всем безвылазно сидящим. А еще — несмолкающий крик души: «долой из жизни два опиума — бога и алкоголь!».

И, наконец, одно из самых последних: «Итудизм, разрастайся и длись фабричным сияньем радужным. Сейчас подымается социализм живым, настоящим, правдошным».

В начале января 30-го года он заявляет на публичном собрании: «То, что мне велит, это правильно. Но я хочу так, чтобы мне велели». Это почти точное повторение его недавних стихов: «Я хочу, чтоб в конце работы завком запырал мои губы замком».

В конце января его приглашают (велят) читать «Ленина» в Большом театре.

В феврале он составляет список приглашенных на выставку и первым вносит членов Политбюро и прочих руководящих товарищей.

20-го марта выступает по радио с чтением антирелигиозных стихов.

7-го апреля подписывает письмо «К писателям мира» — по поводу злобных выпадов римского папы, публично заявившего, что в СССР подавляют культуру и религию.

Ведет переговоры о поездке в колхоз, планируемой на конец апреля...

А 11-го не является на выступление, 12-го пишет свое письмо. А 14-го утром, едва закрылась дверь за Полонской, несомненно зная, что она еще рядом, услышит, вернется, — левой рукой, ведь он был левша... хотя правой, возможно, было удобней...

Итак, перед нами два варианта: или коренной пересмотр позиций совершился буквально за два три дня, или причина совершенно в другом.

Причина, конечно, в другом.

в том, что умираю, не вините никого и пожалуйста не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лилия, — люби меня. Товарищ правительство, моя семья это — Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо.

Начатые стихи отдайте Бринам, они разберутся.

Как говорят: Инцидент исперчен, любовная лодка разбилась о быт.

Я с жизнью в расчете, и не к чему перечень взаимных болей, бед и обид.

Счастливо оставаться. Владимир Маяковский.

12.IV.30 г.

Товарищи вапповцы — не считайте меня малодушным.

Серьезно — ничего не поделаешь. Привет.

Ермилову скажите, что жаль — снял лозунг, надо бы доругаться. В. М.

В столе у меня 2.000 рубл., внесите в налог. Остальное получите с ГИЗ. В. М.

Два совершенно различных чувства, два разных страха возникают при этом чтении.

Первый страх очень слабо связан с содержанием, а скорее — с целью, местом и временем. Он всеобъемлющ, и он заведом, и с готовностью заполняет собой любое случайное слово. Человек собирается умереть — это очень страшно. И он говорит об этом, неважно — что, но сознательно обговаривает обстоятельство, готовит себе эту казнь... Уж куда страшней!

Но есть и второй страх, не менее страшный. Это страх невстречи, непопадания, страх соскальзывания в пустоту.

Ермилов... вапповцы... доругаться... Заседательский юмор, конторские хлопоты. Весь шлак злохи, мусор повседневности выражен в этом страшном письме.

Он все оставил на своих местах, ничего в этом мире не рушил.

«Товарищ правительство... если ты...» Такая подчеркнута фамильярная форма, стиль показного партийного равенства.

К кому конкретно он обращается? К бывшему наркомпросу Луначарскому, только что снятому со своего поста за то самое либеральное «луначарство», столько раз клейменное Маяковским? Или к председателю Рыкову, уже выразившему публично «лицемерное раскаяние» и готовому передать свой отяжелевший портфель сплясавшему рядом Молотову? Или прямо к Сталину? Уж он-то языком. Но тогда бы он должен был выразиться иначе, ну хотя бы «товарищ ЦК», как написал позднее один из его преемников. Или это такая обобщенная фигура, означающая «товарищ советская власть»? Но ведь речь идет не о символе веры, здесь вполне конкретная деловая просьба: устроить сносную жизнь семье, то есть попросту распределить наследство...

В. Маяковский и Л. Брик в Крыму. 1925 г.

Все не то, чем кажется, и не то, что есть, и даже предсмертные стихи — не предсмертные, а взятые из черновика поэмы, с насмешкой замененной, обобщающей строчкой: «Я с жизнью в расчете, и не к чему перечень...» Так возникла эта мало понятная взаимность болей, бед и обид — с жизнью: «С тобой мы в расчете, и не к чему перечень взаимных болей, бед и обид».

И однако же он застрелился, уж тут без обмана. Он написал «умираю» — и действительно умер, и эта страшная правда в данный момент важнее для нас всех прочих неправд и подмен. А причина... Если мы не будем чересчур прямолинейны и не станем требовать сейчас, немедленно, краткой и исчерпывающей формулировки, то, быть может, нам удастся что-то понять и хотя бы приблизительно представить то состояние, в котором он жил последние несколько дней.

«В ТОМ ГОДУ великий поэт был окружен врагами, которые давили, сжимали в психологические тиски (многого мы не знаем), и самоубийство 14 апреля — это убийство».

Так пишет в своих воспоминаниях художница Лавинская.

Что же это были за такие враги, кто именно, если верить Лавинской, да и многим другим, почти дословно ее повторяющим, — убил Маяковского?

Вообще говоря, окруженность врагами не должна была его чересчур травмировать. Он всю жизнь воевал с бесчисленными врагами, действительными, а по большей части мнимыми, вербовал их, выражал и лелеял — это был его способ существования. В этом он, как, быть может, ни в чем другом, был слепком со своего государства.

К марту-апрелю 30-го года число его литературных врагов и верно увеличилось на много единиц за счет перехода в эту категорию почти всех бывших друзей. Каждый новый раскол левовской группы кое-что добавлял к этому списку, но решающими являлись два события: выставка и его вступление в РАПП.

Юрий КАРАБЧИЕВСКИЙ

СМЕРТЬ

Он придумал устроить персональную выставку — рефовцы требовали коллективной. Сперва как будто все утряслось, в декабре на юбилейном вечере в Гендриковом было общее веселье с дурашливыми здравницами, с комсомольскими играми, с переодеваниями, с шампанским, которое, по требованию юбиляра, все приносили с собой. Дружно спели кантату на стихи Кирсанова:

Кантаты нашей строен крик.
Наш запеваля — Ося Брик.
Владимир Маяковский,
Тебя воспеть пора.
От всех друзей московских
Ура, ура, ура!

Загадывали шарады, изображали картины, делали шуточные доклады. Не меньше вкуса и не больше пошлости, чем на любом другом левовском вечере.

А через месяц на официальное открытие выставки не пришел уже ни один из рефовцев, кроме разве что Осипа Брика, и никто, кроме Шкловского, — из старых друзей.

ПОСЛЕДНИЙ год жизни Маяковского был переломным в истории государства. Его значение трудно переоценить, здесь возможны только превосходные степени. В величайшей стране величайшая власть в истории концентрируется в руках величайшего в мире бандита. Болтуны-конкуренты под его гипнотическим взглядом с яростью набрасываются друг на друга: плюются, кусаются и грызутся насмерть. Идет процесс усреднения, унификации, перехода к взаимозаменяемости. Любая выступающая из рядов голова должна быть приплюснута или откушена. Кто-то приседает, кто-то тянется вверх. И вот перед нами Маяковский. Что будем делать?

Нет, конечно, любому руководству понятно, что здесь речи быть не может о противостоянии, или даже о недостаточности твердого состояния «за». Эта сторона и не обсуждается, вопрос совершенно в другом: как в эпоху сплошной коллективизации поступить с этим ярким человеком, на которого указывают извозчики на улице, имя которого из уст в уста передают по тротуарам прохожие, с человеком, который и ростом, и голосом, и каждым словом, пусть даже буквально повторенным вслед за газетной статьей, мгновенно выделяется в любой толпе?

В середине декабря в «Правде» публикуется директива ЦК «О единоначалии», а уже 21-го, в пятидесятiletие, — первый беспрецедентный захлеб всех газетных полос, с многочисленными подписями именитых будущих смертников, со стихами Жарова и Демьяна Бедного.

Очень похоже, что именно с этого времени у самого высокого руководства или даже у самого-самого высокого окончательно утвердилось мнение, что Маяковский, такой, как есть, не нужен больше, а порой даже вреден.

Тут бы нам, кажется, самое время продолжить братание с Перцовым-Асеевым и авторами гневных статей в «Огоньке», повторив вслед за ними: началась травля. Но это была бы неправда. Его достаточно много ругали, в основном, конечно, рапповские критики, но в эти последние месяцы жизни — немногим больше, чем в предыдущие годы. Он привык к ругани, он в ней существовал, от нее отталкивался и ею питался. Что же изменилось? А изменилось то, что теперь за той же самой руганью, а еще больше за молчанием, промалчиванием, он почувствовал ледяное дыхание власти. Столь любимые им законы диалектики начинали работать против него. «Стар — убивать, на пельменицы черепал!» Время солистов и лидеров кончилось, наступала эпоха комсомольских хоров.

И, конечно, запрет на выезд в Париж (тут снова у нас — братание) был очень серьезным, быть может, переломным моментом.

Девять раз он пересекал границу Союза, легко планировал все путешествия, договаривался о встречах и выступлениях, назначал заранее число и месяц — получение визы на выезд было для него просто формальностью, как для жителя какой-нибудь Латвии. И вот впервые — отказ. Недоверие власти! Ничего страшней нельзя было придумать!

Он мечется в поисках компенсации, опровержения, подтверждения и еще чего-то. И придумывает юбилейную выставку как своеобразный памятник при жизни — по чину, то есть подтверждающий ранг и чин. Друзья поначалу кривят рты, изображая одобрительные улыбки, но Главлит и прочие органы откровенно изымают свое равнодушие, а то и прямое неодобрение. После долгих хлопот удается выбить небольшое помещение и гораздо меньше денег, чем требуется. Он вкладывает собственные деньги, сам прибывает плакаты, клеит и красит. Редакции газет не высылают вырезок, пресса дружно молчит об открытии — приглашены руководители страны и партии, а не приходят даже знакомые.

И, конечно, выводов, ни начал) с не- на что литературной работе. За год в муз возвращаясь из Парижа он написал в муз еяток проhodных стихов и одну неудо в муз пьесу. И единственная его несом- в муз я удача — «Во весь голос», — не в муз ля на вернувшуюся было энергию и мел в муз ссе виртуозное мастерство, звучит о му пвление в высшие органы, как раз- у. С тое самооправдание. в муз